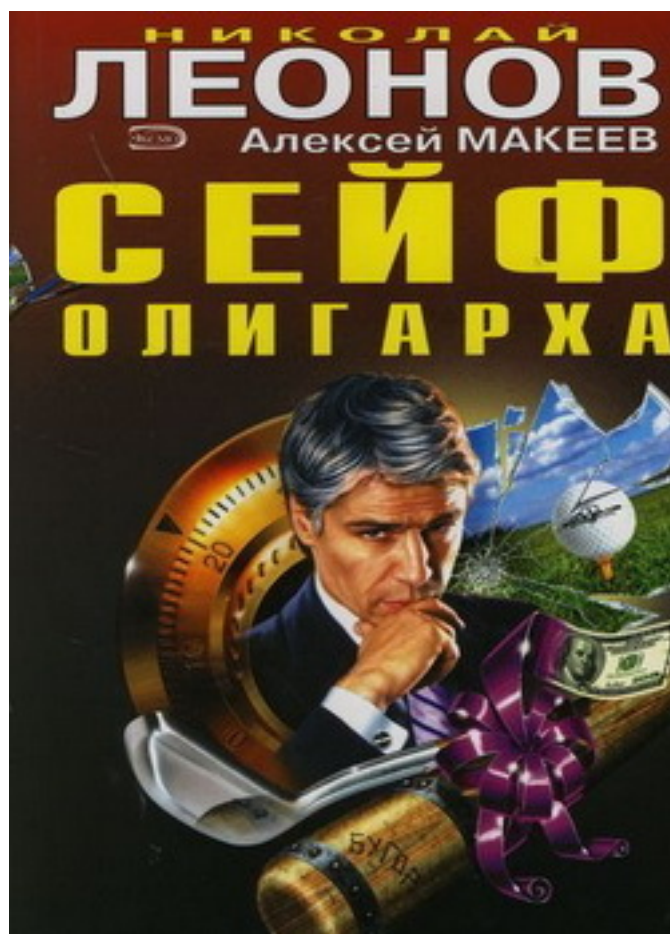

НИКОЛАИ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

СЕЙФ
ОЛИГАРХА

Полковник Гуров

Николай Леонов

Сейф олигарха

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Сейф олигарха / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Говорят, если банкир и олигарх Прокопов чихнет – вся финансовая система страны начнет кашлять. Можно представить уровень охраны этого человека. Но случилось невероятное – грабитель проник не только в его резиденцию, но и в святая святых – сейфовую комнату, где прокопов хранил коллекцию драгоценных камней. Его, конечно, расстреляли в упор. Но знаменитых сыщиков, полковников Гурова и Крячко это больше всего и настораживает. Не мог одиночка свершить такое...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Леонов, Алексей Макеев

Сейф олигарха

Глава 1

– Куда это ты сегодня в такую рань? – с трудом раскрывая длинные ресницы, сонным голосом пробормотала жена. – И меня разбудил, нехороший!

В ее голосе звучали притворные капризные нотки – как у маленькой избалованной девочки. Хохлова, зрелого солидного человека, это странным образом возбуждало, и жена об этом прекрасно знала, уловила эту его слабость с лету и с тех пор частенько применяла этот невинный прием. Это была их игра, которая никак им не надоедала, хотя женаты они были уже больше года.

Вот и сейчас Хохлов едва удержался от соблазна отреагировать на эту призывно-капризную нотку, не стал нырять обратно в теплую супружескую постель, не отдался порыву страсти, которую так легко пробуждала в нем молодая жена. Ему и в самом деле было некогда. Любовь – это прекрасно, но чтобы иметь на нее право, следовало вкалывать не покладая рук.

– У меня сегодня с утра сеанс, дорогая! – нежным голосом пропел он, направляясь в ванную. – Прокопов сменил распорядок дня. Он, видишь ли, не успевает зарабатывать свои миллионы, времени катастрофически не хватает. Спит, по-моему, уже, как Наполеон, по два часа в сутки. Вот и сеанс мануальной терапии перенес на 6.30. Пытался переубедить его, но ведь он как камень... А ты не волнуйся, спи, я больше не стану тебе мешать...

– Я сплю, – мирно отозвалась жена и действительно мгновенно заснула.

Хохлов с порога спальни еще раз полюбовался соблазнительными очертаниями молодого женского тела под тонким атласным одеялом, покачал почему-то головой и вздохнул. Но уютные сладкие мысли в его голове уже вытеснялись другими, четкими и деловыми – планами на ближайшие часы жизни. Прежде всего, конечно, внешний вид. Он должен выглядеть предельно респектабельно, но без излишнего лоска. Все-таки он врачеватель, а в глазах страждущего человечества врач не должен выглядеть баловнем судьбы.

Сам Хохлов себя баловнем судьбы не считал, хотя в жизни ему удавалось многое, и жаловаться было грех. К сорока годам он стал крупным специалистом в своей области, одним из первых, кто поднял престиж мануальной терапии так высоко, что за прикосновение его ловких рук состоятельные люди с охотой начали платить, и платить много. Хохлову удалось обойти конкурентов, вырваться из цепких лап ненасытного государства и уйти на вольные хлеба. Видимо, у него был настоящий талант, потому что слухи о его мастерстве распространились среди потенциальной клиентуры, как лесной пожар, многие считали его настоящим волшебником. Связи его ширились, он пользовал многих сильных мира сего и, не стеснясь, обращался к ним в трудную минуту. Ему охотно помогали, потому что он тоже помогал. Все это позволило Хохлову обзавестись собственным кабинетом в центре Москвы, нанять помощников и вообще – наладить жизнь. Он узнал вкус хороших вин, научился делать покупки в дорогих магазинах, привык к комфортабельным автомобилям. Наконец, он женился на женщине в два раза моложе, писаной красавице, и она, кажется, испытывала к нему самые серьезные чувства. Ну или, по крайней мере, очень искренне эти чувства имитировала, что было почти одно и то же в наше ненадежное время.

Впрочем, и до женитьбы Хохлов не мог пожаловаться на отсутствие внимания красивых женщин. Он и сам был вполне хорош собою, атлетически сложен, умел одеваться, держался всегда уверенно, а со слабым полом и слегка иронично, в общем, производил впечатление надежного и интересного мужика. По этой причине и в отношениях с первой женой наметился

раскол. Нет, причин на самом деле было много. Обжитой мирок, угасшие чувства – рамки привычного уюта стали слишком тесны Хохлову. Он чувствовал, что находится на пути в какой-то удивительный сверкающий мир, где открываются грандиозные возможности. Ему мерещилась собственная клиника из полированного мрамора и зеркального стекла, международные контакты, пациенты-миллионеры, какие-то дальние перелеты в белоснежных «Боингах»... В той новой жизни Хохлов не видел свою Софью Андреевну, неяркую, погрузневшую, погрязшую в мелочных заботах женщину. Наверное, дочь видел – дочь он очень любил и желал ей блестящего будущего, но, как ни странно, Аллу такое будущее не прельщало. Она категорически заняла сторону матери и пребывала с Хохловым в натянутых отношениях. Или, может быть, просто не верила в его возможности? Нынешняя молодежь дьявольски расчетлива и за версту чует пустышку. Но он не был пустышкой, ни в коем случае. Хохлов верил, что стоит на пороге оглушительного успеха. Осталось потерпеть совсем немного, и он перейдет в новое качество. Но вот дел было у него по горло. Ведь он еще и диссертацию готовил – в его профессии без ученых степеней подвизаются только самозванцы. В кабинете на стене обязательно должны висеть дипломы в рамочках, много-много дипломов, с гербами и печатями – это тоже своего рода капитал.

Пациентов Хохлов, как правило, принимал в своем лечебном кабинете, который гордо именовал центром мануальной терапии – в конце концов, это был задел мечты, ее краеугольный камень, на котором впоследствии должен был вырасти настоящий центр, с просторными помещениями, аппаратурой, соответствующим штатом – все это будет, если есть мечта и есть задел. А он был.

Некоторых клиентов, особо важных, Хохлов посещал сам. Таких, например, как банкир Прокопов. Этот мог позволить себе оборудовать кабинет мануальной терапии на дому – выбираться к Хохлову ему некогда. Даже во время сеанса над ухом у него беспрерывно трещал телефон. Правда, на звонки в это время отвечал референт, худосочный и бесстрастный, точно кукла, вылепленная из белой глины. У Проколова образ жизни сидячий, позвоночник никудышный, доставлявший ему до встречи с Хохловым невыразимые страдания.

Люди, которые в силу своей молодости или завидной наследственности с подобными проблемами не сталкивались, не в состоянии понять, как отравляют жизнь эти невидимые глазу изменения в позвоночном столбе, эти костенеющие, теряющие подвижность сочленения! Каждое движение становится настоящей пыткой, от боли перехватывает дыхание, а тело делается неуклюжим, как старомодный комод на пузатых ножках. Большой позвоночник может убить любую мечту, сбить с ног любого энтузиаста – так считал Хохлов. К счастью, у него самого с этим делом проблем не было, но он видел, как страдают пациенты, и был уверен, что понимает их лучше, чем кто бы то ни было.

Взять того же Проколова. Хохлову редко приходилось встречать в жизни столь энергичных людей. Прокопов постоянно был заряжен на покорение каких-то вершин: финансовые пирамиды, суперпроекты, благотворительность, осуществлявшаяся с большим размахом, политика – всего не перечислить. На личную жизнь, как ни странно, тоже оставались силы. Прокопов обожал морские купания, возню со штангой и драгоценные камни, особенно изумруды, собрал даже приличную коллекцию.

В изумрудах Хохлов большой беды не видел, морские купания даже рекомендовал, а вот штангу запретил категорически и был в душе горд, что может диктовать что-то такому могущественному человеку.

И надо сказать, что после знакомства с Хохловым Прокопов будто заново родился. Правда, он нуждался в постоянной поддерживающей терапии, и приходилось повторять сеансы, но так, по мнению Хохлова, было даже справедливо – связь с Прокоповым терять очень не хотелось. Их отношения быстро перешли грань формальных: заказчик – клиент. Прокопов относился к своему врачу очень тепло, называл его «спасителем» и «чудотворцем»,

частенько оставлял ужинать, угощал виски и даже грозился показать коллекцию драгоценных камней, что было у Прокопова признаком особенного расположения к человеку. Правда, времени на это все никак не находилось. Хохлов не особенно переживал по этому поводу – к драгоценностям он был равнодушен, но непременно собирался напомнить банкиру о его обещании. Человеческая близость – вот истинная драгоценность, и уж ее-то Хохлов не хотел упускать ни в коем случае.

На утренний туалет и завтрак у Хохлова ушло совсем немного времени. Человек он был собранный и рациональный. И завтрак совсем легкий – негоже заниматься физической работой с полным желудком. А профессия Дмитрия Викторовича Хохлова требовала не одних умственных усилий, это настоящая мужская работа. Было в ней что-то схожее с профессией скульптора – своими руками Дмитрий Викторович лепил человеку новое крепкое тело взамен износившегося. Действительно, в некотором роде чудо.

Машину свою, «Форд» предпоследней модели, Дмитрий Викторович оставлял на платной стоянке в двух шагах от дома. Была у него слабость к американским машинам, которой он и сам не мог объяснить. И, что бы там ни говорили о надежности и оснащенности японских и европейских машин, Хохлов почему-то всегда останавливался на американской модели. Должно быть, с юности отложилось в памяти, что Америка – страна, где люди живут на колесах, а значит, понимают в этом толк.

При машинах дежурили молодые ражие парни с тяжелыми, как утюги, челюстями. Их позвоночники были пока еще гибкими и надежными, а потому Хохлова они знать не знали и даже здоровались с ним не всегда. Дмитрий Викторович не любил подобную публику. Он никогда не мог понять молодых, полных сил людей, которые, вместо того чтобы переворачивать мир, строить карьеру или штурмовать вершины, занимались каким-нибудь непыльным бесперспективным делом – сторожили чужие машины, торчали за прилавком или мели улицы. Дмитрию Викторовичу подобный образ жизни казался притворством, маскировкой, за которой непременно должна была скрываться какая-то неприятная тайна. Потому и к сторожам на автостоянке он относился с легкой настороженностью. Впрочем, все машины у них всегда в абсолютном порядке.

Ехать Дмитрию Викторовичу нужно на Воробьевы горы. Прокопов предпочитал почему-то жить именно там, хотя с его возможностями запросто можно обосноваться где угодно. Правда, в своем корпусе Прокопов занимал целый этаж и жил совершенно обособленно. Еще у него имелся загородный дом, поместье, как он сам говорил с легкой иронией, но там Хохлов у него ни разу не был.

Над Москвой только начинало прорезываться утро, пробок на улицах пока не намечалось, воздух почти свеж и прохладен. На стеклах машины быстро подсыхала ночная испарина. Время у Хохлова рассчитано почти математически точно – через двадцать минут он должен уже оставить машину на площадке перед многоэтажным корпусом, через двадцать одну – доложить о себе охранникам при входе (личной охраны Прокопов дома не держал), а через двадцать две уже подниматься в лифте на девятый этаж, который Прокопов шутливо называл «своим девятым небом».

Хохлов любил вставать рано. В такие минуты Москва казалась особенно просторной, огромной и новой. Это было как путешествие в ином измерении. А пробок Дмитрий Викторович не любил, как и всякий нормальный человек.

Пробок с утра не было, политые водой улицы блистали, точно сталь, и «Форд» мчался по ним бодро и весело, но примерно с того момента, как Дмитрий Викторович выехал на Садовое кольцо, что-то произошло. Что-то мелкое, но неприятное, вроде камешка, попавшего в ботинок. Хохлов даже сразу не понял, что его беспокоит. Лишь трижды бросив рассеянный взгляд в зеркало заднего вида, он вдруг сообразил, что его уже давно преследует странного вида субъект на мотоцикле.

Это был человек неопределенного пола, затянутый в черную кожу, с яйцеобразным шлемом на голове – светонепроницаемый пластик отливал зловещим лиловым цветом. Мотоцикл современный, вытянутый и зализанный, как пуля, в красных и белых разводах. Этот мрачный тип, похожий на робота из какого-нибудь фантастического фильма, тащился за Дмитрием Викторовичем как приклеенный. Вообще-то это было глупо, но Хохлов встревожился. Мотоциклист старательно повторял его маршрут, все время держа примерно одну и ту же дистанцию.

– Что за дурдом? – пробормотал наконец Дмитрий Викторович, убеждаясь, что безликий преследователь сворачивает вслед за ним к Бородинскому мосту. – Какие-то дурацкие игры в шпионов, ей-богу! Что вообще у него на уме, черт побери?!

Дмитрий Викторович не был шпионом и никогда не занимался ничем криминальным. Его некому и незачем выслеживать. Однако беспокойство не отпускало. Он прекрасно понимал, в какое время живет. Человеческая жизнь мало чего стоила. Любого могли убить из-за автомобиля, из-за сотни долларов, да просто так, от скуки. Нет, будет правильно, если он отнесется к этому недоразумению серьезно. Береженого бог бережет.

Прямо за мостом Хохлов прижался к тротуару и затормозил возле сумрачного лейтенанта дорожно-патрульной службы, который посмотрел на него с нескрываемым неодобрением. Милиция не любит тех, кто убегает, но и тех, кто слишком доверчив, не любит тоже. К тому же, как оказалось, здесь ждали какой-то кортеж. Он вот-вот должен был проследовать, и лейтенант рассматривал Хохлова как помеху.

– Не останавливайтесь! Проезжайте! – отрывисто произнес он и подкрепил свое требование повелительным взмахом руки. – В чем дело?..

– Видите ли, – заговорил Хохлов, высовывая голову из окошка. – Как бы это сказать...

Он невольно обернулся и с двойственным чувством в душе увидел, как красно-белый мотоцикл, точно ласточка, скользнул мимо и быстро стал удаляться, пока совсем не исчез в перспективе улицы. Это было здорово, потому что все страхи оказались надуманными, и это было досадно, потому что Хохлов не знал, что теперь сказать милиционеру.

– Так в чем дело?! – нетерпеливо подстегнул его лейтенант. – У вас проблемы?

– Н-нет, простите, – пробормотал Хохлов. – Просто показалось. Ради бога, еще раз извините!..

– Показалось! Все им кажется!.. Мне почему-то ничего не кажется. Закусывать надо, вот что! – сурово отчитал его патрульный и уже сердито крикнул: – Проезжайте, здесь нельзя останавливаться!

Сконфуженный, Дмитрий Викторович поехал дальше. Он был не слишком доволен собой. Во-первых, ни с того ни с сего испугался какого-то пижона на модном мотоцикле. Во-вторых, полез делиться своими страхами с милиционером. В-третьих, вообще держался размазней, в его положении это недопустимо, он должен знать себе цену, а окружающим эта цена должна казаться еще выше.

Дмитрий Викторович покачал головой. Нервишки, что ли, начинают сдавать? Может быть, взять передышку и махнуть куда-нибудь с молодой женой? С ней он еще нигде не был. А разве в прежней жизни, с первой семьей, он где-нибудь был? Постоянно с головой в работе, постоянно решал какие-то неотложные дела, искал новые возможности, пытался отвоевать место под солнцем. Место он, положим, кое-какое отвоевал, а вот солнца толком так и не видел. Надо будет что-то предпринять в этом направлении, подумал он. Мимолетный страх уже ушел. Собственно, это был даже не страх, а просто дискомфорт. Полупустая улица, нервы и этот навязчивый мотоциклист. Черная фигура в маске, да еще с непроницаемым забралом, всегда кажется преисполненной таинственной угрозы, такова психология человека. Скоростной мотоцикл тоже символ. Психика – это такие дебри...

Хохлов повернул к набережной, посмотрел назад в зеркало и вздрогнул. За ним ехал мотоциклист. Только мотоцикл у этого был сплошь черный, как и сам гонщик. А вот шлем у

этого белый, точно куриное яйцо. Впрочем, лица его Хохлов тоже не видел – лицо закрывала пластмасса. «Он сам-то хоть что-нибудь видит? – с неприязнью подумал Хохлов. – Вырядились! Может, у них слет сегодня? У этих, как их, у байкеров?»

Однако второй байкер в точности повторял все маневры первого. Он тоже катил по пятам за Хохловым, повторяя его маршрут в точности до сантиметра. Настроение у Дмитрия Викторовича опять испортилось.

«Как хотите, а я ничего не понимаю! – с раздражением подумал он. – Какого черта они выются вокруг меня, как мухи? Что это может значить? Я никому не должен, я не владею контрольным пакетом акций «Газпрома». Кому я понадобился? Или все-таки это совпадение?»

Совпадение или нет, но Дмитрий Викторович уже пожалел, что не пожаловался милиционеру на подозрительного мотоциклиста. Вот не пожаловался, и тут же появился второй. Неужели кто-то банально целится на его бумажник? Но почему так сложно, с применением технических средств? Да и здраво рассуждая, можно сделать единственный вывод – вся эта черная кожа, шлемы и рычащие чудовища, сверкающие лаком и хромом, стоят во много раз больше, чем содержимое его бумажника. Овчинка выделки не стоит, как говорится.

На набережной в этот час не было ни одного милиционера, поэтому этот вариант Дмитрием Викторовичем даже не рассматривался. Он просто резко сбавил скорость, чтобы окончательно выяснить намерения преследователя. Мотоциклист тоже притормозил и, как показалось Хохлову, вступил с кем-то в переговоры. Нет, конечно, видеть он этого не мог, но так Дмитрию Викторовичу показалось – что-то такое почудилось ему в напряженной, затянутой в коже фигуре. При современной технике присобачить микрофон и рацию в мотоциклетный шлем – раз плюнуть.

Дмитрий Викторович терзался сомнениями до самого финиша, куда его, точно эскорт, сопровождал неизвестный мотоциклист. Только когда Хохлов остановил машину на площадке около высоченного красавца-дома, его спутник демонстративно неторопливо прокатился мимо и исчез за поворотом.

Дмитрий Федорович облегченно вздохнул, взял свой чемоданчик, запер машину и направился к дому. Здесь он мог ничего не опасаться. Район был непростой, и шпана здесь не имела никаких шансов. Хохлов очень надеялся, что к тому времени, когда он закончит свои процедуры, дурацкие мотоциклисты найдут себе занятие поинтереснее, чем гоняться за ним по московским улицам.

Но, видимо, сегодняшней день действительно не задался. Когда Дмитрий Викторович доложил о своем прибытии, его попросили немного подождать, а потом из квартиры Прокопова спустился вниз его личный секретарь – Виталий Игнатьевич Савельев, мужчина лет сорока пяти, человек на редкость хладнокровный и выдержанный, в любую минуту готовый решать любые проблемы. При этом понять, что у него на уме, было совершенно невозможно. Не человек, а черный ящик. С прекрасными манерами.

Он тепло поздоровался с Хохловым, извинился и сообщил, что ввиду чрезвычайных обстоятельств господин Прокопов был вынужден выехать с утра в одно место и нынешний сеанс по этой причине отменяется.

– Вот незадача! – не удержался Хохлов. – Это крайне нежелательно – пропускать сеансы! К тому же я рассчитывал договориться сегодня с Александром Александровичем насчет рентгеновского обследования. Пора посмотреть его позвоночник. Очень досадно! Неужели никак нельзя было отложить? Что случилось? Банковский кризис?

– Ну что вы! – тонко улыбнулся Савельев. – Как-то уж вы чересчур мрачно... Банковская система в полном порядке. Просто возникли некоторые проблемы личного характера. Ничего экстраординарного, но необходимо присутствие самого Александра Александровича. А рентген и все прочее сделаем в следующий раз, не расстраивайтесь. Александр Александрович, кстати, заявил мне сегодня, что чувствует себя, благодаря вашему искусству, просто велико-

лепно! Все о'кей, доктор! А сегодняшний визит можете смело включать в счет – все будет оплачено.

– Да я разве об этом?.. – махнул рукой Хохлов. – Когда же теперь мне явиться? Завтра утром?

– Пожалуй, послезавтра, – сочувственно, но твердо уточнил Савельев. – Завтра Александр Александрович может быть занят. Просто у нас нет пока точной информации. Поэтому давайте лучше ориентироваться на послезавтра. В это же время. А если будут какие-то коррективы, мы непременно с вами заранее свяжемся. Еще раз извините.

– Ну что же, тогда разрешите откланяться, – разочарованно сказал Хохлов. – Жаль. Но ничего не поделаешь.

От расстройства он совсем забыл о мрачных кожаных всадниках. Только садясь в машину, Дмитрий Викторович сообразил, что это они первыми испортили ему сегодня настроение. А дальше уже бутерброд полетел, как водится, маслом вниз. Собственно, ничего страшного не произошло, но Дмитрий Викторович не любил даже малейших отклонений от намеченного плана. Мелкие сбои его раздражали.

Выезжая с автостоянки, он постарался думать о чем-то приятном – о молодой жене, о солнечном утре, которое разгоралось над Москвой, о чашке ароматного кофе, который он выпьет перед тем, как начать прием других, менее высокопоставленных, но также весьма серьезных пациентов. И это ему удалось. Бородинский мост Дмитрий Викторович пересек уже в отличном настроении. И только на углу Смоленского бульвара и Нового Арбата, когда он автоматически посмотрел в зеркало, сердце его екнуло – в потоке машин, тянувшемся за его «Фордом», Хохлов увидел черного мотоциклиста на красно-белом мотоцикле.

Глава 2

Полковник Гуров любил делать все собственными руками. Он хорошо понимал, что такая позиция не всегда конструктивна, а порой даже сомнительна, но характер – это судьба, любил повторять он. Его друг и напарник полковник Крячко, весельчак и отчаянная голова, в ответ только понимающе хмыкал, а начальник Главного управления МВД генерал Орлов стучал кулаком по столу и ругался, обзывая упрямую парочку авантюристами и махновцами. Впрочем, эти громы и молнии редко выходили за пределы его генеральского кабинета, потому что с Гуровым и Крячко его связывали не только служебные, но и долгие товарищеские отношения, а в глубине души он, пожалуй, просто любил их, как собственных братьев. Тем более что Гурову, как правило, везло.

Уверен был он, что повезет ему и сегодня. А дело достаточно серьезное. Вместе с Крячко они намеревались взять сегодня опасного преступника по кличке Статист. На самом деле этот человек являлся в своей области деятельности далеко не статистом – он был индивидуально-стью самобытной. Здесь просто имела место путаница понятий, и солидный термин «статистик» в простонародье заменился словом «статист», не имевшим к науке статистике никакого отношения. Преступник, за которым охотился Гуров, тоже не имел никакого отношения к статистике, если только не принимать во внимание печальную статистику преступлений, но собирателем статистических данных представлялся довольно часто. А еще он бывал чиновником из Комитета по делам ветеранов, инспектором Министерства социальной защиты, представителем разных благотворительных фондов. Карманы у него были набиты удостоверениями, фирменными бланками, сертификатами и прочей макулатурой, очень похожей на настоящую. Статист подделывал даже такие бумаги, которые подделать не проще, чем американский доллар. Гуров подозревал, что этот тип имеет знакомства в определенных кругах и, соответственно, доступ к документам и базе данных. Он выискивал в Москве и области ветеранов войны и труда, заслуженных, ушедших на покой в чинах и с хорошей пенсией. Обманом проникал в их дома, плел доверчивым старикам про новые несуществующие инициативы правительства, обещал золотые горы, быстро становился едва ли не первым другом, а потом уходил, унося с собой ордена, ценные вещи и деньги. Мерзавец, по свидетельствам потерпевших, отличался великолепными манерами, выглядел солидно и положительно. Старики, которым на склоне лет так не хватало человеческого тепла, покупались на сладкие речи Статиста, а про его истинную сущность узнавали, лишь став жертвами...

Но это еще полбеды. У Статиста имелась одна личина, которую он обнаруживал не слишком часто... Два или три раза обманутые им старики спохватывались и пытались поднять тревогу. С ними Статист справлялся мгновенно и безжалостно. Поэтому Гуров испытывал к нему особую ненависть, какую нечасто испытывал даже к преступникам. Все-таки его профессия предполагала более отстраненную позицию, он был служителем закона, его инструментом и не должен был привносить в свои действия ничего личного. Но Гуров считал, что со Статистом у него личные счеты. Слишком долго этому негодяю удавалось уходить от расплаты. Он был дьявольски осторожен, действовал всегда в одиночку, никому не доверяясь, и очень выборочно контактировал с представителями криминального мира. Что называется, волк-одиночка.

Но на этот раз Гуров рассчитывал на удачу. Им с Крячко удалось получить информацию от осведомителя, что Статист в последнее время очень интересовался неким Бороденко Петром Сергеевичем, одиноко проживавшим в трехкомнатной квартире в районе «Аэропорта». Бороденко в былые годы работал в секретном конструкторском бюро – разрабатывал новые виды авиационного топлива. Должность занимал немалую, был неоднократно награжден правительственными наградами, материально ни в чем не нуждался, к тому же после смерти жены, дочери прославленного маршала, ему досталось приличное наследство. И вот на покой этого

престарелого, много испытывавшего на своем веку человека решил покуситься алчный и беспринципный Статист. Как ни странно, вышел он на Бороденко через преступный мир. А дело было в том, что у Петра Сергеевича имелся племянник, типичная «паршивая овца», с малых лет тянувшийся к уголовной романтике. К тридцати годам он ее вполне удовлетворил и стал своим в воровском мире. Однако своего заслуженного дядю он уважал и побаивался. Мыслей покуситься на его богатство у него никогда не возникало. Просто он похвастался своими родственными связями в одной сомнительной компании, и это услышал Статист. Вряд ли он ставил кого-нибудь в известность о своих планах, но по счастливой случайности в тот день и в той компании оказался один сметливый человек, оказывавший Гурову услуги по части закрытой информации. Именно он подкинул Гурову мысль о Бороденко.

За домом бывшего конструктора установили наблюдение, и наконец поступило сообщение, что в районе «Аэропорта» появился человек, похожий на Статиста. Он подъехал на хорошей машине, одетый с иголочки, в руке – солидный кейс с секретным замком. Подозрение он вызвал тем, что долго крутился вокруг дома, где проживал Бороденко, выяснял обстановку, расспрашивал о чем-то прохожих. Затем, усевшись в машину, провел там почти весь день – как предполагали оперативники, изучал распорядок дня Бороденко. К вечеру он уехал. На следующее утро Гуров решил устроить в квартире бывшего конструктора засаду.

С Бороденко предварительно созвонились, объяснили в общих словах ситуацию, попросили не открывать дверь незнакомым. Сами явились накануне вечером, когда Бороденко уже готовился ложиться спать. Он долго проверял через цепочку краснокожие удостоверения, придирчиво вглядывался в лица.

– Сами звонили, чтобы не открывал, а сами приволоклись в такой час! – ворчал Петр Сергеевич, сличая фотографии с оригиналами. – А где гарантия, что вы и не есть тот самый? Нет такой гарантии! Но меня на мякине не проведешь! Я, господа хорошие, в суровые времена жил и жив остался! Вам такое и не снилось, что я на своем веку повидал!

– Ну это положим! – обиделся Крячко. – Нам много чего снилось, между прочим! Вот вчера только такое во сне привиделось – просто удивляюсь, как меня инфаркт во сне не хватил! Фильм «Чужой» видели? Так я с этим чужим...

– А я шуток не люблю, молодой человек! – холодным тоном перебил его Бороденко, возвращая документы. – Особенно когда моей жизни угрожает опасность. Понимаю, что вам это безразлично, но все же попрошу воздержаться в дальнейшем...

– Вот тут вы не правы, – покачал головой Гуров. – Мы потому и здесь, Петр Сергеевич, что ваша безопасность нам далеко не безразлична. А шутики у нас – обычное дело. Снимаем накопившийся стресс, вы уж простите...

– Я вам не судья, – пробурчал старик, откидывая дверную цепочку. – У вас свои обычаи, у меня свои... Проходите! Только туфли сразу снимайте – у меня домработниц нету!

Петр Сергеевич проводил их на кухню и предложил чаю. За чаем обговорили план возможных действий.

– Он тянуть не будет, – уверенно заявил Гуров. – Вся нужная информация у него имеется, а действовать он привык быстро. Никто еще ничего не понял, а наш мародер уже далеко... Но на этот раз мы ему копыта поотрываем. Обычно он по утрам ходит. Утром люди менее опасливы, да и соседи в основном на работе. Действует он в одиночку, никому не доверяет. Так что возьмем мы его без труда, думаю. Единственная заковыка – придется вам с ним немного пообщаться, Петр Сергеевич. Сможете?

– Если дело того требует, – сурово отозвался Бороденко, – то ничего невозможного быть не может. У нас и в лексиконе такого слова не было – «нет». Было слово «надо»!

– Ну, значит, все в порядке, – улыбнулся Гуров. – Значит, вам надо будет завести с ним беседу, чтобы он обозначил свои намерения, чтобы, так сказать, привел в действие свои преступные замыслы. А тут уж мы и включимся. У нас с собой и аппаратура кое-какая имеется, и

разрешение прокуратуры на нее. Мы ее сейчас установим – только нужно решить, где вы с ним будете беседовать. Сами понимаете, чем шире доказательная база, тем дольше голубку сидеть. А в случае чего мы рядом, не бойтесь...

– А я ничего и не боюсь! – отрезал Бороденко. – Я свое отбоялся.

– Ну и отлично. Советую вам вести переговоры с этим фруктом в гостиной. И аппаратуру там проще спрятать, и вам удобнее, и нам сподручнее будет...

– Смотрите сами. В гостиной, значит, в гостиной, – проворчал Бороденко. – Один вопрос – вы сами в процесс включаться будете или вам специальный сигнал подавать нужно?

– Сами разберемся, Петр Сергеевич, – успокоил его Гуров. – Мы же разговор через наушники контролировать будем. Когда жареным запахнет, не сомневайтесь, мы подключимся. Вы только постарайтесь сделать вид, что поддались на его бредни и ничего не подозреваете.

Бороденко немного подумал.

– И долго прикажете мне притворяться? – спросил он подозрительно. – Мне в магазин выходить надо, воздухом подышать. А что, если этот ваш аферист не придет завтра? Или вообще не придет? Тогда что?

– Придет, куда он денется? – уверенно сказал на это Гуров. – Все сходится, что придет.

– Это хорошо, если придет, – заметил Бороденко. – Потому что кормить мне вас, прямо скажем, нечем. Мне в моем положении приемы устраивать не с руки. А без пищи человек, как известно, месяц протянуть может. Конкретно насчет вас не знаю. Только на кормежку не надейтесь, прямо заявляю!

– Да вы не беспокойтесь! – ответил Гуров, в душе удивляясь прижимистости старика. – Думаю, мы и проголодаться не успеем. А если уж совсем немоготу станет, сбегает куда-нибудь, перекусим. А переночуем здесь где-нибудь, на диванчике, если позволите.

Проголодаться они, конечно, успели, особенно полковник Крячко, который к проблеме питания относился всегда предельно серьезно. Однако заниматься этой проблемой им было некогда, тут Гуров угадал правильно. Статист оказался ранней пташкой и уже в девятом часу утра позвонил в квартиру Петра Сергеевича.

Собственно говоря, прямых доказательств, что звонит именно Статист, ни у кого не было. Но Бороденко никого не ждал, а Гуров ждал именно Статиста – отсюда и вывод.

Аппаратура уже готова. Гуров еще раз объяснил Петру Сергеевичу, что нужно сделать, и вместе с Крячко укрылся в спальне. Эта комната по странной прихоти хозяина была напичкана мебелью под самую завязку. Кроме кровати, здесь стояли два шкафа, два кресла, четыре тумбочки и небольшой стеллаж с книгами. Затеряться среди такой выставки несложно, но зато и передвигаться по спальне довольно затруднительно. Гуров спрятался за дверь, а Крячко вместе с магнитофоном забрался под кровать. Он же через наушник контролировал ход переговоров, которые вскоре развернулись в гостиной. Гурову возле двери и без наушника было слышно почти каждое слово.

Первые же фразы, прозвучавшие в гостиной, убедили его в том, что подозрения не напрасны. Ранний гость, явившийся к Бороденко, действовал по знакомому сценарию. Слова приветствия были, естественно, произнесены еще в прихожей, поэтому визитер сразу приступил к делу.

– Если не ошибаюсь, Петр Семенович Бороденко? – с подъемом произнес он.

– Сергеевич! – буркнул хозяин.

– Пардон! Заработался! – мгновенно отреагировал на собственную оплошность гость. – Само собой, Сергеевич! Я так и хотел сказать – Сергеевич, а сорвалось совсем другое. Голова, знаете, забита идеями. Тысячи новых проектов, тысячи фамилий... Кстати, разрешите представиться – Попов Валентин Иванович, сотрудник республиканского музея отечественной авиации. Зная вас как крупного специалиста в этой области, я не мог с вами не связаться. Надеюсь, наши начинания вам тоже будут интересны.

– Какие еще начинания, молодой человек? – сердито сказал Бороденко. – Это у вас начинания, а мне уже заканчивать пора. Пожил, слава богу, народу послужил, государству... Укреплял, так сказать, мощь в меру своих скромных сил. Знать бы тогда, что вы со страной теперь сделаете...

– Уверю вас, я тут ни при чем! – горячо сказал Попов. – Мои убеждения – что государство должно расти и крепнуть. А чтобы не забывали про тех, на кого надо равняться, мы и открываем новый музей. Это будет новое слово в музейном деле! Финансирование взяло на себя государство, и тут проблем никаких нет. Просто нам нужно теперь собрать воедино опыт и кое-какие раритеты. Чтобы создать полноценную экспозицию, понимаете? Люди не должны забывать, кто строил великую страну!

– Ну а я-то тут при чем? – недружелюбно спросил Бороденко. – От меня-то чего вам надо?

– Чего угодно! Рассказов о славных днях, может быть, какие-то сувениры, старые газеты. У вас наверняка и награды имеются, правда? И вообще, расскажите о себе для начала. Надеюсь, вы никуда не торопитесь? Мне говорили, что вы живете совсем один?

– Кто это вам говорил? – подозрительно спросил хозяин. – Кому какое дело, с кем я живу? Нет никому никакого дела!

– О, я только в том смысле, что нам никто не помешает, – заметил Попов. – Откровенно говоря, я настроен на долгую и увлекательную беседу. Не возражаете?

Гуров с волнением вслушивался в звуки, доносившиеся из гостиной. Ему показалось, что он различает сердитое сопение Петра Сергеевича – тому явно не терпелось выпроводить непрошеного гостя за дверь, но все-таки он вовремя вспомнил об инструкциях, которые давал ему Гуров, и нехотя продолжил переговоры.

– Отвык я беседовать, молодой человек, – ворчливо сказал он немного погодя. – Один я да один. А сам себе какой собеседник? Так что получается, что зря вы ко мне пришли. Даже и начать с чего, не знаю...

– А давайте посмотрим ваш архив! – предложил Попов. – Ну, храните же вы какие-то вещи, дорогие вашему сердцу, – те же ордена, грамоты, то-се...

– А вам какое такое дело до орденов моих? – враждебно заговорил старик, но опять вспомнил про инструкции и тут же буркнул: – Ладно, давайте смотреть. Чего только в них интересного, не понимаю!.. Вот сюда тогда прошу – в соседнюю комнату!

Гуров услышал, как оба собеседника протопали в дальнюю комнату. Там тоже был установлен микрофон, но слышать разговор теперь мог только Крячко, и Гуров слегка напрягся. Контролировать ситуацию полностью он уже не мог, выйти из своего убежища тоже не мог. «Будем надеяться, что Стас не заснул под кроватью, – с мрачным юмором подумал Гуров. – Это, кстати, вполне возможно, учитывая нашу ночевку на холодном диване. Очень бы не хотелось!»

Ему показалось, что откуда-то издалека донесся стук дверцы – похоже, Бороденко открыл какой-то шкаф. И в следующую же секунду кровать в спальне содрогнулась, точно подброшенная землетрясением, и из-под нее с искаженным лицом выскользнул Крячко. Еще не успев занять вертикальное положение, он прошипел: «Началось!» – и тут же вскочил, с ловкостью записного ковбоя выхватив пистолет. Гуров молча метнулся вон из спальни, тоже доставая на ходу оружие. А в дальней комнате вдруг шарахнул выстрел, а следом за ним – другой.

Пуля с треском расщепила доску в двери, к которой бежал Гуров, и тут же навстречу ему из этой двери выскочил человек в темном костюме, назвавшийся недавно Поповым. Он был взбудоражен сверх меры и пятился задом. Лица его Гуров не видел.

– Стоять! – крикнул Гуров. – Милиция!

Попов круто развернулся. Гуров успел увидеть вороненый ствол и автоматически нанес удар по руке. Еще раз грохнул выстрел, но пуля ушла в потолок. Гуров не успел ничего предпринять – следом за Поповым из дальней комнаты появился хозяин квартиры, бледный и

страшный, как смерть. Трясушимися руками он поднял на уровень глаз пистолет и выпалил, целясь Попову в спину.

Пуля пролетела мимо Попова, обожгла Гурову висок и смачно чмокнула стену за его спиной. От неожиданности Гуров отпрянул. Попов с диким ревом отшвырнул его в сторону и бросился к выходу.

Наверняка его перехватил бы в этот момент Крячко, уже спешивший на помощь, но Петру Сергеевичу пришла в голову идея выстрелить по убегающему еще раз. Он выстрелил и попал Крячко в правое плечо. Тот охнул, выронил пистолет и осел на пол.

Попов на бегу пнул его «ПМ», так что тот отлетел в угол, и скрылся в прихожей.

Крячко звучной скороговоркой произнес несколько непечатных слов и заорал:

– Давай за ним, Лева! Я еще поживу немного!

Гуров бросился вслед за Поповым, успев подумать: «Вот сукин сын Стас! Даже сейчас ему нужно сострить! «Я еще поживу!» Типичный сукин сын! А старик-то хорош!»

В прихожей громынула дверь. Пока Гуров разбирался с замками, беглец уже всюю бежал вниз по лестнице. Выскочив на лестничную площадку, Гуров услышал дробный стук каблучков по ступеням. Гигантскими прыжками он помчался следом. В голове его билась одна мысль – сумеют ли задержать Попова оперативники, наблюдавшие за домом? В принципе, они были проинструктированы на этот счет, но по-хорошему их все-таки следовало предупредить. Просто у Гурова не было времени.

Вдобавок на втором этаже ему навстречу вдруг вывернулась необъятных размеров тетка, распаренная, красная, с двумя неподъемными сумками в руках. Она посмотрела на Гурова с такой ненавистью, что он, не раздумывая, освободил ей дорогу и просто перемахнул через перила и приземлился на площадке первого этажа.

Получилось неудачно. Спину вдруг пронзила такая острая боль, что Гуров на мгновение замер и как бы превратился в соляной столб. Он даже не пытался шевелиться. «Вот попал, на ровном месте да мордой об асфальт! – с отчаянием подумал он. – Это же нарочно не придумать – в самый решительный момент сыщика скрутил радикулит! Анекдот, только не смешной!»

– Совсем охренели! – прокомментировала сверху толстая тетка злым голосом. – Скачут по лестнице, как бешеные! Хуже детей, ей-богу! Совсем сдурели, а еще в галстуках, как поряточные!

Выслушав эту нелюбезную характеристику, Гуров, как ни странно, почувствовал себя лучше. Он опять мог двигаться. Правда, движения эти были еще неуверенными и замедленными, но тем не менее с грехом пополам ему удалось выбраться на улицу.

Здесь сразу стало ясно, что Статиста они упустили. Гуров увидел обоих оперативников, которые, бросив свой пост, бестолково крутились по двору. Увидев Гурова, они сразу направились к нему. Вид у обоих был виноватый.

– Товарищ полковник! Ведь ушел этот гад! У него за углом мотоцикл был припаркован. Мы только к нему бросились, а он – в седло, по газам – и через проходной двор!.. Иван тогда машину бросился заводить – да что толку! Ищи ветра в поле! А вы не ранены?

– Ранен! В самое сердце! – сердито ответил Гуров. – Вашими беспомощными словами. Таковую птицу упустили! Вы что, выстрелов не слышали? Приготовиться не могли?

– Да тут почти ничего не было слышно! – начал оправдываться Иван. – Ну были какие-то хлопки – разве разберешь? Окна у всех тут пластиковые, звукоизоляция, естественно... А вы бы нас предупредили, – осторожно добавил он.

Гуров ожег его взглядом, потер поясницу.

– Было у меня время вас предупреждать, – проворчал он, – по нас ведь стреляли!

– Да ну! Это он, гад, по вас стрелял?

– Если бы! – усмехнулся Гуров. – По крайней мере, не так обидно было бы... Ну, ладно, что выросло, то выросло. Чемодан он свой нам оставил, может, будет какая зацепка. Я сей-

час опять наверх поднимусь – там полковника Крячко зацепило, помощь требуется. А вы тут пошустрите, может быть, кто-то запомнил номер мотоцикла или еще какие-нибудь подробности...

Гуров поднялся в квартиру Бороденко, где уже оживший Крячко добродушно отчитывал сконфуженного и вяло огрызающегося Петра Сергеевича. Крячко был без пиджака и без рубашки. По рельефным трицепсам стекала кровь.

– Ерунда! – заявил он Гурову. – В мякоть попало. Можно сказать, отделался легким испугом. Нашему Петру Сергеевичу просто медаль нужно давать – за отличную стрельбу мимо, а то не жить бы нам уже обоим!.. Ну вот скажите, садовая голова, за каким чертом вы схватили этот пистолет?

– Откуда у вас пистолет? – тут же вступил в дискуссию Гуров.

– Да пистолет-то у него наградной, все чин по чину, – пояснил Крячко. – Другой вопрос: зачем было применять, когда тут рядом два мента с пушками присутствовали?

– Умники! – отводя глаза, сказал Бороденко. – Да если хотите знать, этот фашист первый оружие вытащил. Как я ему свои закрома открыл, так и вытащил. На испуг меня взять соби-рался. А я его упредил!

– Ага, упредил! – со смехом сказал Крячко. – Одна пуля в телевизоре, одна в двери, одна вон обои попортила, а одна чуть меня жизни не лишила! Это не упредил называется, это называется наваринская битва с дымом и пламенем!

– Вас же предупреждали, чтобы вы не предпринимали никаких действий! – безнадежно махнув рукой, сказал Гуров. – А вы перестрелку затеяли! Счастье, что все так удачно закончилось. Бинт у вас найдется?

Бинт нашелся. Пока Гуров перевязывал Крячко, хозяин квартиры после долгого молчания наконец изрек:

– А все равно я прав! Преступника вы упустили? Упустили. И какое же после этого может у меня быть к вам доверие? Правильно я за оружие взялся! На вас надежда плохая, уж не обессудьте, я вам всю правду-матку...

– Да уж, надо было вас тут одного оставить, патронов только побольше отсыпать, – с иронией сказал Крячко. – То-то была бы потеха!

– Это я виноват, – заметил Гуров, заканчивая перевязку. – Каюсь. Нужно было выяснить сразу насчет оружия. Неувязка вышла. Сам одеться сможешь?

– Я-то как огурец, – заявил Крячко, действительно без напряжения натягивая на себя окровавленную рубашку. – А вот ты, смотрю, что-то жмешься. Тебя самого, случайно, не задело?

– Да нет, в спину вступило, – неохотно ответил Гуров. – Перестарался, понимаешь. Да еще на лестнице бешеным обозвали.

– Это они не видели, что здесь творилось! – ухмыльнулся Крячко и, повернувшись к хозяину квартиры, который с унылым видом стоял посреди комнаты, спросил: – По крайней мере, этот ханыга ничего не успел у вас украсть, Петр Сергеевич? А то, может, под шумок слямзил что-нибудь ценное?

– У меня не слямзишь! – снова приободрился Бороденко. – У меня с такими субъектами, как вы могли заметить, разговор короткий!

– Ну да, что есть, то есть, – серьезно сказал Гуров. – Только теперь придется вам, Петр Сергеевич, настраиваться на долгий разговор. По правилам я сейчас обязан вызвать к вам домой следственную группу, а следователь непременно захочет с вами обстоятельно побеседовать. В том числе и по поводу применения вами оружия. В принципе, все основания применить его у вас имелись, поэтому не думаю, что здесь возникнут осложнения. А мы с товарищем не станем предъявлять вам претензий. Не станем ведь, Стас?

– Да чего там! – махнул рукой Крячко. – Всегда пожалуйста! Шрамы украшают мужчину. Главное, чтобы их не патологоанатом нанес...

– А вашего обидчика мы все равно поймает, – убежденно сказал Гуров. – Сегодня ему просто повезло. Но и нам повезло. Его чемоданчик у нас в руках. Пусть теперь с ним следователи разберутся – наверняка появится какой-то след. А уж по следу мы его быстро отыщем!

Говоря это, Гуров вовсе не был убежден, что перспективы у них столь радужные, но в том, что Статиста он поймает, не сомневался нисколько. Теперь это было вдвойне делом чести.

– Ты хотя бы рожу его запомнил? – спросил он у Крячко. – Я-то его практически и не видел.

– А чего там запоминать? Мордастый такой, – сказал Крячко. – На чиновника похож. Кстати, на словесные свои портреты тоже похож здорово. Только на портретах у него губы почему-то как у негра, толстые. На самом деле тонкие у него губы, ехидные. Так и надо в ориентировку вписать, а то еще, не дай бог, всех негров в Москве переловят.

– Некорректный ты, Стас, человек! – вздохнул Гуров. – Нужно говорить, афроамериканцев или африканцев, а ты как плантатор какой-то... Но что внешность запомнил – это хорошо. Коррективы нам не помешают.

Придя окончательно в себя, Гуров доложил генералу Орлову о случившемся, выслушал мрачное: «Я занят. Поговорим позже!», вызвал следственную группу и немного поразмышлял над тем, что услышал от генерала. В итоге он пришел к неутешительному выводу, что Орлов перенес обсуждение момента на более поздний срок по той причине, что боялся испепелить Гурова своим гневом через телефонную трубку. Изначально он не имел ничего против того плана, что предложил Гуров, да и сам план не имел, казалось бы, существенных изъянов. Не пожелай хозяин квартиры поиграться с оружием, они скрутили бы Статиста в два счета. Математическая задачка для первого класса. Но когда примешиваются форс-мажорные обстоятельства, тут уже ничего не поделаешь.

Следственная группа работала в квартире Бороденко около полутора часов. Собранная информация никого не вдохновила. Чемоданчик Статиста оказался пустым. Отпечатками пальцев преступника следствие располагало и ранее. Номер мотоцикла оперативникам выяснить не удалось. В принципе, это можно смело назвать провалом. В выигрыше остался, пожалуй, только Бороденко, который избежал крупных неприятностей и вдобавок вволю пострелял из наградного оружия. Правда, следователь Зубатов, внимательно осмотрев помещение и следы от пуль, покачал скорбно головой и пистолет у хозяина изъял – под расписку, для следственной, как он объяснил, экспертизы. Гурову показалось, что он просто опасается оставлять оружие у Бороденко, и это был очень предусмотрительный поступок.

Гурову же похвалиться было нечем. Кроме моральных мучений, он теперь испытывал еще постоянные ноющие боли в пояснице, которые серьезно мешали свободе движений. Он даже не стал садиться за руль своего «Пежо» и попросил Стаса вести машину.

У Крячко тоже побаливала рука, но возражать он не стал, видя, с каким усилием забирался Гуров в машину.

– Это хуже нет, когда в спину вступит, – согласился он, выводя автомобиль со двора. – Я бы предпочел, чтобы в меня еще раз пальнули, чем ходить в три погребели. Погоди, неизвестно еще, чего завтра будет. Вообще с постели встать не сможешь!

– Типун тебе на язык! – сердито сказал Гуров. – Я теперь не успокоюсь, пока этого гада не возьму, ночей спать не буду, а ты говоришь...

– О! Как же я мог забыть! – вдруг просиял Крячко и от восторга даже хлопнул ладонью по рулевому колесу. – Как раз в струю! У меня же теперь знакомый доктор имеется! Как раз по твоей части! Спину вправляет. Честное слово! Крупнейший специалист, ас! Ну это он сам так сказал – не врет, я думаю?

– Когда это ты успел с ним познакомиться? – подозрительно спросил Гуров. – Вроде таких докторов среди твоих знакомых раньше не было?

– Тут вот дело какое, – сделал озабоченную мину Крячко. – Мне один знакомый позвонил два дня назад. Попросил помочь своему знакомому – у него, мол, проблемы. А этот его знакомый доктор и оказался. Мануальный терапевт Хохлов Дмитрий Викторович. У него лицензия, кабинет свой где-то в центре... Мы, правда, не встречались, тоже все телефонным разговором ограничилось. И у меня, правду сказать, все это из головы сразу и вылетело. Если бы тебя не скрючило, так и не вспомнил бы.

– Интересно, что за проблемы такие, – проворчал Гуров, – что они у тебя в голове даже не задержались?

– Да ерунда! – беспечно сказал Крячко. – Этому мужику померещилось, что его пасут. Он ничего такого за собой не знает, но встревожился. Захотел со специалистом проконсультроваться.

– Ну и как? Проконсультировал, специалист? – спросил Гуров.

– А как же! Посоветовал, если опять заметит за собой слежку, обратиться с заявлением в районный отдел. Больше не звонил.

– Понятно, – кивнул Гуров. – Или впрямь примерещилось, или убили уже. Ты телефончик хоть зафиксировал?

– Беспокоишься о нем или о себе?

– А я совмещаю приятное с полезным, – отозвался Гуров. – Если до завтра не отпустит, все равно придется к врачу обращаться, а тут вроде как по благу получается...

– Есть телефончик, – сказал Крячко. – И адресок имеется. Вот уж не думал, что пригодятся! Воспользуешься?

– Ты мне расскажи на всякий случай поподробнее, что там у него случилось, – попросил Гуров. – Для лучшего взаимопонимания. Как он слежку обнаружил?

– Он двадцать восьмого августа ехал к одному клиенту, банкиру, кости вправлять. Дело было ранним утром – я так понял, что банкиры у нас вообще не спят, приумножают капиталы... Короче, в район Воробьевых гор направлялся. И где-то на Садовом к нему прилепился мотоциклист. Страшная такая рожа – весь в коже и пластмассе. Пер за ним как приклеенный. Хохлов вначале не придавал значения, но потом убедился, что этот тип повторяет его маршрут от и до. Движение на улицах еще слабое, все на виду, естественно, доктор забеспокоился. Мало ли чего, думает, может, спутали с кем, а может, на бумажник зарятся. Он к гаишнику было обратился, но потом передумал, потому что этот тип мимо проехал и вроде бы растаял вдали. Хохлов дальше поехал, и что ты думаешь? Через пять минут у него на хвосте второй повис – тем же манером. Только мотоцикл уже другой был.

– Если все так и было, то что-то неприятное вырисовывается, – задумчиво проговорил Гуров. – Ни с того ни с сего пасти не будут. Притом на мотоциклах. Тут мне представляется, что это специально так сделано – для устрашения, чтобы человек занервничал. Говоришь, он банкира обслуживает?

– Ага, я только не стал уточнять, какого, – объяснил Крячко. – А сам Хохлов обошел этот вопрос. Видимо, из соображений корректности. Мол, мои проблемы – это мои проблемы, уважаемых людей впутывать не хочу. А ты полагаешь, тут может быть какая-то связь?

– А ты сам как думаешь? Докторов, конечно, тоже прессуют, но банкиров все-таки чаще. Поэтому невольно приходят всякие мысли... Но все это чистая лирика. Плод воображения. Как, возможно, и мотоциклисты. Чем все закончилось?

– Приехал он в тот район, где банкир проживает, – продолжил Крячко, – и ему показалось, что все миновало, потому что мотоциклист дальше поехал. Отвязался вроде. Только когда Хохлов в обратный путь тронулся, мотоциклист опять нарисовался и вел его до самого дома.

– А потом?

– Потом он из дома не выходил. Ни двадцать восьмого, ни двадцать девятого, мне вот под вечер позвонил. Извинялся стократно за беспокойство.

– Знал бы, что у тебя чужие проблемы в голове не задерживаются, так не извинялся бы, – усмехнулся Гуров. – А твой знакомый, который тебя с Хохловым свел, он больше не звонил?

– Пока нет. Поэтому моя совесть спит спокойно, – сказал Крячко. – Если бы что-то случилось, то уж, наверное, позвонил бы.

Гуров ничего на это не сказал, но зато нахмурил лоб и долго о чем-то думал. Потом вдруг проговорил – медленно, словно взвешивая каждое слово:

– Везет нам в последнее время на мотоциклы, ты не находишь? Статист ушел на мотоцикле, твоего доктора преследовали на мотоциклах... Да вот еще, если помнишь, – недели полторы назад сообщали о перестрелке в поселке Глухово, в семидесяти километрах от Москвы. Там тоже фигурировали какие-то мотоциклисты.

– Это где в заброшенном доме труп нашли, что ли?

– Да, нашли. С пулевым ранением. Только уже неделю спустя. Представляешь, во что он превратился при такой погоде? До сих пор, кажется, лежит в морге неопознанный.

– Ну а мы-то тут при чем? – помедлив секунду, поинтересовался Крячко.

– Мы-то ни при чем, – сказал Гуров. – Мотоциклов, я говорю, много. Поневоле становится любопытно. После того, как от генерала взбучку получим, попробуем навестить твоего знакомого доктора – поговорим с ним о спине моей, о мотоциклах... А про Статиста я сегодня думать больше не хочу.

Крячко согласно кивнул:

– Верно! От таких мыслей аппетит портится. Давай лучше подумаем, где пожрать. На пустой желудок к генералу идти не годится.

Глава 3

Бардин не стал нажимать кнопку дверного звонка. Осторожно, но настойчиво постучал в дверь, прислушался. В спящем доме даже его осторожный стук отчетливо разносился по всем этажам. Но в ответ ни одна дверь не скрипнула, не прозвучало ни одного шороха, никто не выглянул на лестницу. Но и в квартире, куда стучался Бардин, было тихо. Никто не откликнулся. Бардин на секунду задумался, посмотрел на свои часы с треснувшим и помутневшим стеклом – они показывали без двадцати три. Самое злодейское время. Но где же Анюта? Почему не откликается на стук? Не может быть, чтобы ее не было дома. Хотя с тех пор, как он уехал, прошло четыре месяца, и много чего могло случиться. Только бы не заболела! Ему сейчас нужно надежное убежище, нора, где бы он мог отсидеться, перевести дух. Ему нужен человек, на которого можно положиться, как на самого себя. На земле только один такой человек – Анна. Если, конечно, за эти долгие четыре месяца она не забыла, кто такой Николай Бардин. А вдруг нашла кого-то? От этой мысли Бардина даже мороз по спине продрал. А что? Женщина видная, жизнь идет, у нее свои законы, все возможно на этом свете. Но тогда его положение становится критическим. Тогда ему будет совсем туго. Один в поле не воин. Опасность идет по пятам.

Бардин постучал в дверь еще раз и наконец услышал, как внутри прошелестели легкие шаги. Встревоженный сонный голос Анны спросил отрывисто: «Кто там?»

– Это я, Анюта, – хрипло пробормотал он, стараясь говорить тихо, чтобы его слышали только за этой дверью. – Я, не бойся!

Лязгнул замок. Дверь как будто шарахнулась от Бардина, и в темном прямоугольнике коридора перед ним возникла женская фигура в ночной рубашке, напряженная, как струна, горячая, как печь, – тяжелые темно-русые волосы свободно рассыпались по плечам, в глазах тревога пополам с безумной радостью.

– Ты?! – ахнула Анна, почти падая на грудь Бардину. – Вернулся! Наконец-то! Я уж и не знала, что думать!

Она повисла на нем, впиалась в него ногтями, осыпала слезами и поцелуями.

– Да вернулся, вернулся, – немного смущенно проговорил он, пытаясь увести Анну с площадки. – Все в порядке, Анюта!.. Давай в дом зайдем, неудобно!.. Не нужно, чтобы нас тут видели!

Кое-как она поддавалась его усилиям. Но в темном коридоре почти задушила его в объятиях, опутала жаркими волосами, обожгла лицо поцелуями. Бардин перестал сопротивляться, сам поддался порыву внезапной страсти, жадно ласкал горячее женское тело, впивался ртом во влажные полные губы. Но тут неожиданно опомнилась сама Анна.

– Господи, да ты же, наверное, голодный! – вдруг ахнула она, отталкивая от себя Бардина. – Вон какой худющий! Одна кожа да кости остались!

– Это ничего. Были бы кости, – пробормотал Бардин.

– Иди-иди, умойся, можешь душ принять, – заторопилась Анна. – А я сейчас тебе поесть приготовлю. Я сегодня курицу жарила. В духовке. Ты любишь...

– Я сейчас все люблю, – усмехнулся Бардин. – Я ведь последние сутки и в самом деле не жрал ничего. Просто некогда было. Да ты не суетись – еще полчаса выдержу как-нибудь.

Анна втокнула Бардина в ванную, где все блистало чистотой, где хорошо пахло и где его ждало свежее полотенце и махровый халат. Здесь она снова прижалась к его груди и прошептала: «Соскучилась!..» Но потом сделала строгое лицо и погрозила пальцем – по-видимому, самой себе: «Нет, сначала я тебя накормлю!», и убежала на кухню.

Бардин покачал головой, пустил в ванну горячую воду и посмотрел на себя в настенное зеркало. На него уставилась диковатая, плохо выбритая физиономия, смуглая от загара, заско-

рузлая от ветра и ночевок под открытым небом. Там, где прошла бритва, кожа предательски белела – без бороды лицо выглядело глупо, точно щеки выбелили пудрой. Результаты Бардин уже видел, когда брился в поезде, поэтому не сильно огорчился. И все-таки было досадно. Он убирал бороду, чтобы его не узнали, но с такой поперечно-полосатой рожой он непременно будет привлекать к себе внимание до тех пор, пока разные участки лица не сравняются по цвету.

Впрочем, сейчас это не главное. Прежде всего нужно будет связаться со спонсором, объяснить ситуацию. Он заинтересован, пусть помогает, иначе не видать ему вожденных камней как своих ушей. А Бардин знал, как этот человек любит изумруды. Больше собственного здоровья.

У человека обязательно есть какой-нибудь заскок – так устроила природа. Наверное, чтобы люди не дурели от скуки. Кто-то заводит себе собаку, кто-то целый зоопарк, кто-то бегаёт день и ночь по бабам, кто-то меняет тачки, кто-то путешествует, а кто-то просто глушит водку. А вот спонсор повернут на изумрудах. То есть, конечно, бизнес у него на первом месте, потому что без такого бизнеса не только об изумрудах, о кирпичках мечтать не приходится, но зато уж, помимо бизнеса, ничего, кроме изумрудов, он и знать не хочет.

Встретились они с Прокоповым два года назад – свели знакомые, которые уже имели дела с банкиром. Они утверждали, что у него серьезная коллекция, чуть ли не подвал с сокровищами. Бардину туда заглядывать не приходилось, но, поговорив с коллекционером один раз, он убедился – тот понимает, что к чему, и чепухой его не заинтересуешь. Старателю-то выбирать не приходится, у него один хозяин – судьба. Что бог пошлет, то и хорошо. Но именно в этот сезон Бардину улыбнулась удача. То, что он раскопал нынешним летом, сделает его богачом, если все сложится удачно. А вот в этом у Бардина были пока большие сомнения, поэтому записывать себя в богачи он не торопился. Он был реалистом. Но Прокопов в него поверил, угадал, что ждет их обоим удача. И на этот раз все расходы по экспедиции Бардина взял на себя. Бардину ни о чем и думать не пришлось.

Слежку за собой он заметил в поезде, когда выехал из Екатеринбурга в Москву. Он был измотан и отчасти опьянен неслыханной удачей, свалившейся на него, поэтому не слишком обращал внимание на то, что происходит вокруг. Наверняка его вычислили раньше. Как ни старайся хранить тайну, как ни прячься от людей, всего скрыть не удастся. Не так уж мало людей знали, куда он этим летом отправляется. Знали и о том, кто его спонсирует и как этот человек повернут на изумрудах. А байка об удачливости Бардина вообще давно ходит. Не один раз его пытались заставить поделиться добычей. Бог как-то хранил. Хотя были моменты, о которых вспоминать не хочется, вот только шрамы, хочешь не хочешь, напоминают.

Кто был на этот раз, Бардин не знал. Те типы, которые как бы случайно попадались ему на глаза в поезде, были ему незнакомы. Сосредоточенные крепкие ребята в теннисках. Он не стал испытывать судьбу, засел в купе, даже в туалет старался не выходить. Главное было дожидаться ночи. Было ясно, что уже ночью у него постараются отобрать багаж – вытертый, пахнущий дымом рюкзак, набитый барахлом и изумрудами. Силы неравные, и оставалось только одно – бегство.

Когда стемнело, ему немного повезло. Все его соседи на какое-то время покинули купе. Теперь дело решали минуты, а может быть, и секунды. Заперев дверь, Бардин опустил окно, выбросил на насыпь рюкзак, а потом выбрался наружу сам. Мимо с грохотом проносился черный сосновый лес, где-то внизу под насыпью топорщились громадные камни. Риск разбиться был велик, но его профессия с самого начала связана с риском. Бардин спрыгнул с поезда и растворился в темном уральском лесу.

Все прошло удачно – он не получил даже мелкой травмы. Проводив глазами красные огоньки удаляющегося поезда, он отправился искать рюкзак, а найдя его, неторопливо зашагал пешком к ближайшей станции. У него была с собой карта железных дорог – по ней он опреде-

лил, что в десяти километрах должна находиться станция с простым названием Завод. От нее на электричках можно добраться до Челябинска. Маршрут нужно менять кардинально. Когда в поезде обнаружат, что он исчез, поиски немедленно перенесут на всю округу. Его будут поджидать на ближайших станциях, отслеживать все рейсы до Москвы. Но часов шесть-семь у него в запасе имеется. За это время он успеет запутать следы.

Так и вышло. До Москвы Бардин добирался круглыми путями, но зато в безопасности. Разумеется, заявляться прямо в столицу он не собирался. Бородатый, грязный, с огромным мешком за плечами – посмотреть на такое чудо пол-Москвы сбежится. Про тех, кому он натянул нос в поезде, и говорить не приходится. Вернуться домой он собирался тихо, скромно и без опасного драгоценного груза. Для этого у него имелась давняя запасная «штаб-квартира» – старая деревянная развалюха в поселке Глухове, в шестидесяти километрах от Москвы. Для жилья эта конура мало подходила. Там даже воды поблизости нет. Зато во дворе замаскированный погреб. Настоящее атомное убежище, выложенное в три ряда кирпичом. Бардин обнаружил его случайно, когда, купив за гроши эту бросовую собственность, сам нацелился выкопать тайник. находка избавила его от многих часов изнурительной работы. Он только выдолбил в погребке нишу, замаскировал ее и навел маскировку снаружи. На заросшем дворе черт мог бы сломать ногу, но Бардин решил перестраховаться, накрыв вход в погреб тонкой бетонной плитой и забросав ее мусором и ржавой колючей проволокой. Под этой проволокой и лежало сейчас его сокровище.

По правде говоря, Бардину и тут повезло. Едва он успел приехать в Глухово и разделаться с делами, как опять началась катавасия. К счастью, самого интересного момента преследователи не захватили, но зато они знали, где живет Бобков.

Бобков приходился Бардину троюродным братом. Это был нелюдимый человек, жизнь которого вместила столько событий, что их хватило бы на три жизни попроще. В молодости он ходил на торговых судах в Африку, Японию, Аргентину, потом обосновался в Москве, женился, а когда жена вскоре изменила ему с каким-то хлыщом из киношников, убил обоих и получил десять лет строгого режима. В Москву уже не вернулся, тихо поселился в Глухове, работал электриком в местной школе, а потом неожиданно открыл торговую точку и стал бизнесменом. У него появились деньги, он выстроил себе роскошный дом посреди сосновой рощи, завел свору собак, белый «БМВ» и жил в свое удовольствие. Правда, мрачности это ему нисколько не убавило, а о том, чтобы завести новую семью, он даже не помышлял. Бардин подозревал, что все не так просто и торгует Бобков на самом деле не жалкими жвачками и фантами, которые были выставлены в его палатке, а чем-то совсем другим. Вокруг троюродного брата постоянно толклись какие-то подозрительные личности, внешне удивительно на него похожие, такие же мрачные и нелюдимые, но удивительно деятельные, постоянно одержимые какими-то грандиозными проектами.

Бардин и сам не был таким уж агнцем, и его собственный бизнес не всегда совпадал с установками закона, но предпочитал держаться от подобных компаний подальше. Он полагал, что такое сотрудничество чревато непредсказуемыми последствиями. Чем меньше друзей, исповедовал он принцип, тем меньше шансов, что однажды тебя продадут или что ты получишь нож в спину. Он был уверен, что новый арест Бобкова не за горами, но время шло, троюродный брат процветал, и местные власти, кажется, не имели к нему ни малейших претензий. Видимо, он сумел занять такую позицию, которая уравнивала интересы всех. Бардина он уважал, потому что тот был единственным из родни, кто не бросил его в трудную минуту и не забыл. А всего-то Бардин раз в год приезжал на зону, получал свидание, передавал брату гостинцы и полчаса разговаривал о жизни, призывал крепиться. Но он делал это регулярно, безо всякой корысти, а такие вещи дорогого стоят.

Зато теперь в трудную для себя минуту Бардин знал, куда ему идти. И ту хибарку ему присмотрел Бобков, не спрашивая, для чего она ему нужна, и деньги, и кров предлагал – живи,

мол, сколько хочешь. Чувствуя настрой хозяина, даже свирепые собаки брата относились к Бардину с пиететом. Вот только вся эта благодать имела и оборотную сторону – бесчисленные знакомства Бобкова в криминальном мире привели к тому, что о местонахождении Бардина мигом узнали те, кто за ним охотился.

Воспоминание об этом было настолько ярким, что у Бардина даже зашевелились волосы на затылке. Он сунул голову под струю воды и долго плескался, фыркая и отдуваясь. Ему действительно следовало бы принять ванну, но он не стал этого делать. Инстинкт призывал его не расслабляться.

В тот вечер он тоже принимал ванну. Он завалился к Бобкову, уже когда стемнело, заросший, грязный, с землей под ногтями, с рюкзаком, набитым барахлом, и спросил, может ли переночевать.

Брат обнял его, но спрашивать ни о чем не стал, а сразу повел в дом и, как Анна сейчас, набрал ему ванну и дал чистую одежду взамен его продубевшей от пота робы. Бардин понял, что сил сбрить бороду у него уже нет, и решил сделать это после купания и ужина. Он залез в горячую воду, и ему показалось, что он попал в рай. Все опасности и проблемы отошли на второй план. Бардин расслабился.

Но он еще не успел домыться, как вдруг в ванную заглянул брат и с тревогой в голосе сообщил, что снаружи к дому подъехали на мотоциклах какие-то люди, а поскольку никто из его знакомых на мотоциклах не ездит, то ему вся эта хренота очень не нравится.

– Это не мое дело, – сумрачно сказал он, – но если у тебя есть какие-то проблемы, то самое время напрячься. И что делать – махаться или делать ноги, – тоже тебе решать.

– А ты уверен, что к тебе самому нет у кого-то претензий? – поинтересовался Бардин, моментально прекращая плескаться в ванне и быстро вытираясь огромным полотенцем.

– У меня все в ажуре, – мрачно подтвердил Бобков. – Я никогда еще не был в таком ажуре, как сейчас. Это не ко мне.

Мокрый и раздосадованный, Бардин больше ни о чем не спрашивал. Он быстро переоделся в одежду, которую ему приготовил брат, рассовал по карманам документы и бумажник. Бобков молча наблюдал за ним.

– Деньги нужны? – спросил он, видя, что Бардин готов.

Бардин от денег отказался, и тогда брат сказал ему:

– Вот что, я сейчас пойду выйду к этим... Чтобы горячку не пороть. Вдруг ошибка какая вышла. А в случае чего ты куда уходить думаешь?

– С мотоциклами они в поезд не полезут, – рассудил Бардин. – Значит, по железной дороге буду добираться. Сяду в какой-нибудь проходящий. Все составы не проконтролируешь.

– Ну, с богом! Только если это по твою душу – не дадут они тебе до станции добраться. Возьми мою тачку и – напролом!

– Толку от этого немного будет, – покачал головой Бардин, – а тачку разобьем. Ты лучше сигнал мне какой-нибудь подай, если дело плохо, а я у тебя тут через забор сигану. Вон туда, где деревьев побольше. В лесу они меня не поймают.

– Ладно, если чего, я из ружья стрельну, – сказал Бобков. – А ты держи!..

Он вдруг протянул Бардину черный новенький пистолет «ТТ».

– Китайский, – сказал он. – Бери, пригодится! Не беспокойся, он чистый. Еще и не стреляли из него ни разу. Не дай бог, конечно, но, если что, ты первый его обновишь.

Бардин поколебался секунду, но пистолет все-таки взял, сунул за пояс. Брат кивнул и быстро пошел к выходу. Бардин отправился за ним. В душе у него скребли кошки.

Во дворе заливались собаки. Из-за забора доносилось потрескивание мотоциклетного мотора, чьи-то голоса. Бобков выключил все фонари. Двор погрузился в темноту. И почти сразу же в калитку кто-то грубо заколотил.

В руках у Бобкова появилось охотничье ружье. Он щелкнул стволами, свистнул собакам.

– Ну, давай, братан! – сказал он Бардину. – Удачи тебе! Извини, что не покормил. В следующий раз пир устроим.

– Да ладно, – махнул рукой Бардин. – Ты-то тут как останешься?

– За меня не бойся. Меня так просто не раскусишь. Я катанный орех.

Брат хлопнул его по плечу, пошел к калитке. Кажется, он сам уже не сомневался, по чью душу явились ночные гости.

Бардин бесшумно побежал в ту сторону, где за забором густо росли сосны. Он тоже не сомневался.

А когда через некоторое время от калитки шарахнул ружейный выстрел, раскатившийся по роще дробным эхом, все стало окончательно ясно. Бардин, уже не раздумывая ни секунды, подпрыгнул, зацепился за кромку забора, перелез через него и спрыгнул на противоположную сторону.

И тут же откуда-то сбоку к нему метнулась черная тень, и Бардин ощутил сильнейший удар в челюсть. Нападавший в темноте не рассчитал, да к тому же кулак его скользнул по густой бороде Бардина. Но все равно Бардин упал. Тень сразу же обрушилась на него сверху. Он инстинктивно выставил ногу и, поймав противника за плечи, перебросил его через себя. Тот с треском повалился куда-то в кусты.

Бардин тут же вскочил, но к нему уже бежал еще один.

– Стой, сука! – с угрозой прорычал он.

В воздухе что-то свистнуло. Над головой Бардина пронеслась железная цепь. Он понял, что дело пахнет керосином, и, выхватив китайский «ТТ», выстрелил в воздух.

«Братан как в воду смотрел, – подумал он в этот момент. – Обновил пушку. Как говорится, мы мирные люди, но наш бронепоезд...»

Пушка не испугала нападавших. Сзади на спину Бардину кто-то прыгнул, вцепился в шею, попытался схватить за руку. Перед самым лицом снова лязгнула цепь. Бардин выстрелил в смутную тень, наступавшую на него.

Человек пошатнулся, уронил цепь и без звука повалился на землю. Второй, сидевший на горбу, еще сильнее сдавил его шею, пытаясь перехватить руку с пистолетом. Бардин повернулся и что есть силы врезался спиной в забор. Его противник охнул и ослабил хватку. Бардин шарахнул его о кирпичную стену еще раз, а потом стряхнул на землю и хорошенько пнул ногой в живот.

Больше ни на что времени у него не было – вдоль забора бежали еще какие-то люди. Бардин выстрелил наугад и тоже побежал, стараясь выбирать путь, где было темнее. Ветки хлестали его по глазам, дважды он спотыкался о торчащие из земли корни и падал, но снова поднимался и бежал. Вскоре стало ясно, что погони за ним нет. Он остановился и, тяжело дыша, пошел дальше шагом. Где-то за рощей нарастал треск мотоциклетных моторов. Бардин понял, что теперь его будут искать в ключевых местах – на шоссе и на железнодорожной станции. На шоссе у него шансов никаких не было, но на станции можно было попробовать обмануть этих придурков.

Он намеренно взял в сторону и к железнодорожному полотну вышел далеко за поселком. Здесь было тихо, только гудели рельсы, трещали в темных лугах сверчки. Бардин присел на насыпь и некоторое время приходил в себя. Его обуревали смешанные чувства. С одной стороны, он был доволен, что его неведомые враги и на этот раз ушли ни с чем, но с другой стороны, он переживал за судьбу брата. Даже если все окончилось для него благополучно, неприятности ему гарантированы. Наверняка Бардин ранил кого-то, а может, и прикончил. И еще эта пальба на всю округу...

Потом из темноты ночи, сверкая огнями, появился локомотив, тянущий состав с пустыми платформами. Бардин вначале хотел запрыгнуть на платформу, но, когда состав неожиданно остановился, ему пришла в голову новая идея. Он поднялся в кабину локомотива и без дол-

гих предисловий выложил на приборную доску небольшую пачку сторублевых. У него самого оставалось не больше двух тысяч.

Машинист оказался невозмутимым, выдавшим виды человеком. Он хладнокровно пересчитал количество купюр в пачке, удовлетворенно кивнул и, опустив ее в карман, с юмором осведомился: «Куда едем?» «Поближе к Москве», – ответил Бардин и спросил, не найдется ли у хозяина локомотива, чем сбрить бороду.

Машинист оказался человеком запасливым. Были у него и бритвенный станок, и туповатые ножницы, и щербатое зеркальце без оправы. В общем, пока ехали до Москвы, Бардину было чем заняться.

На сортировочной станции он сошел, поймал какого-то полуночника на «Жигулях», отдал ему последние деньги и добрался до Анны. Его приключения закончились. Или только начинались? Однозначного ответа на этот вопрос не было. Бардин прекрасно понимал, что тот, кто потратил столько сил на его поиски, уже не успокоится. И нельзя сбрасывать со счетов ночную стычку. Вполне возможно, что теперь по его следам пойдет и милиция.

Бардин завернул воду, насухо вытер лицо полотенцем и пошел к Анне на кухню. От соблазнительных запахов поджаристой курицы у него закружилась голова. Анна накрыла стол белой хрустящей скатертью и выставила на него, кажется, все, что было у нее в холодильнике. Бардин увидел среди прочей снеди запотевшую бутылку водки и невольно улыбнулся.

– У нас какой-то праздник? – спросил он.

– А ты сам как думаешь? – отозвалась Анна. – Или ты просто так забежал, на минутку? – В голосе ее послышалась затаенная ревность.

– Надеюсь, надолго, – сказал Бардин и многозначительно добавил: – Только учти, Анюта, чем меньше народу будет знать, что я сейчас здесь, тем лучше нам обоим будет.

– Это очень опасно? – спросила Анна. – Я имею в виду – для тебя?

Бардин пожал плечами.

– Несколько дней у тебя побуду, посмотрю, как обстановка, – неопределенно ответил он. – Может, все обойдется.

Анна спохватилась, зазвенела рюмками, разлила водку и сказала:

– Давай выпьем, Коля! За твое возвращение, и чтобы у тебя все хорошо было...

Бардин усмехнулся.

– За это можно, – сказал он, поднимая рюмку.

Они выпили, и Бардин сразу же набросился на еду. Анна немного помолчала, робко глядя на склонившуюся над тарелкой голову Бардина, а потом неожиданно произнесла жалобным голосом:

– А может быть, давай поженимся, а, Коля? Будем жить как люди, ребеночка родим... Хватит тебе по горам по своим скитаться. Не мальчик ведь уже! Я буду хорошей женой, вот увидишь!

– А я и не сомневаюсь, – серьезно сказал Бардин. – Только, знаешь, сейчас рано об этом. Потерпи немного, мне со старыми делами разделаться надо. Потом поговорим.

Глава 4

– Похоже, визит к нашему костоправу пошел тебе на пользу! – заметил с удовлетворением Крячко, когда они вместе с Гуровым усаживались в машину. – Ты прыгаешь, почти как кузнечик. Тебе действительно лучше?

– Это с какой стороны посмотреть, – заметил Гуров. – После разговора в генеральском кабинете я сразу почувствовал необыкновенный прилив бодрости. Вмешательство мануального терапевта уже почти ничего не добавило. Разве что навело на всякие мысли.

– Именно эти мысли навели тебя на мысль ехать в Глухово? – спросил Крячко.

– Хотя коряво и выраженная, твоя мысль о моих мыслях в целом верная, – согласно кивнул Гуров. – Хотя логической связи тут искать не приходится. Мне и самому не очень понятно, что я надеюсь найти в Глухово. Единственная объединяющая идея – мотоциклы. Мне с детства нравились мотоциклы. Но поехать на них толком так и не довелось.

– Возьми напрокат, – предложил Крячко.

– Нет, дело не в этом, – помотал головой Гуров. – Просто носится передо мной в воздухе некая идея, которую мне никак не удастся поймать за хвост... Все-таки если не принимать во внимание всякие молодежные байкерские шайки, то следует признать, что для наших преступников выбор в качестве средства передвижения мотоцикла – вариант не самый банальный. Наши преступники предпочитают машины мощные, громоздкие, подавляющие все вокруг... Банда на мотоциклах – это несколько необычно, тебе не кажется?

– Связи я тут действительно не вижу, – сказал Крячко, пожимая плечами. – Это ты верно сказал. Банда на мотоциклах в семидесяти километрах от Москвы и полумифические преследователи доктора Хохлова – это две большие разницы, по-моему. Да и в Глухово наличие моторизованных банд отрицают.

– Вот! В том-то и дело! – воскликнул Гуров. – В Глухово навевались гости, в этом я почти уверен. Убийством занимается областная прокуратура, но там, насколько я понял, это дело особенного энтузиазма не вызывает. Слишком много неясностей. Время упущено, свидетелей нет, улики практически не собраны. Стандартная пистолетная пуля, видимо, для пистолета «ТТ», извлеченная из трупа, – слабое утешение. Но ведь у кого-то были причины ехать в Глухово, рисковать жизнью... Давай все-таки сделаем допущение, что одна и та же банда могла иметь интересы как в отношении Хохлова, так и в отношении неизвестного лица, проживающего в Глухово.

– Но какой нам от всего этого толк?! – воскликнул Крячко. – Или ты собираешься отбивать хлеб у областной прокуратуры?

– Но, по-моему, это тебя попросили помочь доктору Хохлову, – сказал Гуров. – Ты мой друг, и вот теперь эта забота стала нашей общей...

– Какая забота? Ты же был у Хохлова. Он категорически заявил, что ему все примерещилось, и сто раз просил извинения.

– Да, насчет извинений он явно переборщил, – вздохнул Гуров. – Именно это меня и насторожило. А тебя нет? Странно. Это даже более странно, чем склонность известного доктора к галлюцинациям.

– Он же извинился! – вскричал Крячко.

– Сто раз, – сказал Гуров. – И был на удивление суетлив, что при его солидном положении и внешности выглядело совсем неуместно. Он возился с моим позвоночником, а сам мечтал о том, чтобы мы поскорее ушли.

– Да? Мне так не показалось, – заметил Крячко.

– Потому что ты не лежал у него на кушетке, – сказал Гуров. – Мне совсем не понравилось, как он работает. В движении рук этого чудо-доктора чувствовалась нервозность. Он как будто побыстрее хотел разделаться со мной. Не лечил, а имитировал лечение.

– Может быть, потому, что мы ему не заплатили?

– Мы предлагали ему плату – или ты забыл? Он сам отказался от нее наотрез. Так же, как от своих слов. О том, что никаких мотоциклистов, следящих за ним, не существует в природе, было сказано чересчур резко, пожалуй, даже на истерической ноте. Это больше напоминало призыв о помощи. Только сделанный с пистолетом у виска.

– Ты не слишком сгущаешь краски?

– Вряд ли. Я убежден, что за Хохловым следят. Только теперь его, похоже, еще и напугали. Из него теперь слова не вытянешь до тех пор, пока не случится какая-нибудь беда.

– Даже так?

– Посуди сам, Хохлов – личность в определенных кругах заметная. Многие его клиенты – влиятельные и богатые люди. Эта среда неизбежно привлекает к себе внимание криминала. Хохлов может знать какие-то тайны своих клиентов. И кто-то тоже хочет их знать. Это вполне реальная ситуация.

– Значит, в отличие от меня, ты принял близко к сердцу эту нелепую историю? – хмыкнул Крячко. – Вот уж не знаю, что ты намереваешься из нее выжать. У нас с тобой и так забот полон рот. Один Статист чего стоит! Где теперь искать этого гада? После неудачи он наверняка заляжет где-нибудь на полгода.

– Не заляжет, – возразил Гуров. – Не так уж он и разбогател на этих несчастных стариках. А аппетита у волка, сам понимаешь, волчьи. Вот увидишь, скоро он опять где-нибудь засветится. А насчет Хохлова я вот что хочу напомнить – по-моему, никто из нас так и не сказал ему прямо, что, мол, это твои проблемы, мужик, и нас они не касаются. По-моему, у нас имеются некие моральные обязательства...

– Какие обязательства, если человек сам заявляет, что проблема исчерпана? – запротестовал Крячко.

– Это было сказано с пистолетом у виска, – упрямо повторил Гуров. – Жаль, что ты этого нюанса не заметил. И я тем более считаю себя обязанным разобраться в этой истории, – он улыбнулся. – Может быть, когда мы снимем груз с души нашего доктора, он обработает мой позвоночник по полной программе, не хуже, чем банкиру... Как, кстати, его фамилия, того денежного мешка, которого лечит Хохлов?

– По-моему, Прокопов, – ответил Крячко. – Жесткий человек, говорят. Всю жизнь поставил на службу капиталу. На чем и позвоночник надорвал, видимо. Ни жены, ни детей, хотя человек уже немолодой. По слухам, имеет единственную страсть – драгоценные камни. Собрал целую коллекцию. Другие марки собирают, банки из-под пива, а этот – алмазы и изумруды... Но вообще досье на него я не заводил. Что слышал, то и передаю. А зачем тебе?

– Сдается мне, что неприятности Хохлова с этой стороны появились, – серьезно сказал Гуров. – Они всегда с той стороны приходят, где золотые горы.

– Это поэтому мы с тобой в захолустье сейчас едем? – с ехидцей спросил Крячко.

– Убедиться хочу, что связи между двумя этими событиями не имеется, – спокойно объяснил Гуров. – И со спокойной душой вернуться. Часа четыре займет все это от силы. А нам с тобой полезно сейчас побыть в некотором отдалении от генерала, пока еще свежи впечатления.

– Да, его превосходительство сильно разгневался, – вздохнул Крячко, припоминая выволочку, полученную совсем недавно. – Хотя школьнику даже понятно, что такое непредвиденные обстоятельства. Они потому и непредвиденные, что их нельзя предвидеть. Ты хоть и полковник, а понимаешь, а вот Петр – генерал, а понять такой простой вещи не может. Для начальника это, по-моему, недопустимо.

– И давно тебе в голову такая мысль пришла? – насмешливо спросил Гуров. – Что-то в кабинете у Петра ты совсем о другом говорил!

– В генеральском кабинете ко мне мысли вообще не приходят, – парировал Крячко. – Каждый сверчок знай свой шесток.

За разговорами они не заметили, как добрались до поселка Глухово. Над поселком, состоявшим наполовину из стандартных пятиэтажек, а наполовину из деревянных построек самой различной архитектуры, висела серая дымка. Чистый воздух и зелень можно было найти только на южной окраине, неподалеку от шоссе, но там почти никто не жил. На Гурова и Крячко Глухово произвело не самое благоприятное впечатление. Типичное захолустье, хотя и в двух шагах от Москвы.

Первым делом отправились в местный отдел внутренних дел и разыскали в следственном отделе офицера, который первым занимался делом об интересующем их убийстве, – капитана милиции Ивана Григорьевича Суркова.

Визит коллег из Москвы отнюдь не вдохновил капитана. Хотя, похоже, вдохновить этого человека вообще трудно. У него было осунувшееся, неприветливое лицо, будто принадлежащее человеку лет на пять старше, утомленные равнодушные глаза и глухой неторопливый голос.

– Вас интересует этот покойник? – с некоторым удивлением переспросил он Гурова, когда тот объяснил, в чем дело. – У вас есть на него какая-то информация? Нету? Ну, значит, так он и сгниет в морге неопознанный. Я вам одно могу сказать – это не здешний, и никто этого человека тут не знает. То есть абсолютный висяк. Лично я думаю, что где-то братки между собой разобрались, грохнули одного, а труп сюда подбросили. Висяк стопроцентный! А какая же причина, что вы им интересуетесь? Или в Москве недовольны, как мы тут работаем?

– А вы сами-то довольны? – проворчал Гуров. – Где труп обнаружили, показать можете?

– Тут у нас граждане огороды держат, – неопределенно махнул рукой Сурков. – Ну, кто побогаче, дачку имеет. С водой там неважно, поэтому особого энтузиазма в этом деле не наблюдается. Кое-какие дома брошенные уже. Вот в одном из таких дачных домиков двадцать третьего числа труп и нашли. Граждане на свой участок шли, ну и запах учуяли. Погода-то жаркая стоит. Полюбопытствовали, конечно, и сразу милицию вызвали. Я лично выезжал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.